

РАДУГА НАД ФРАНКЕНХАУЗЕНОМ

Франкенхаузен, город в Тюрингии, 15 мая 1525 г., около полудня... Восставшие крестьяне и горожане разбили свой укрепленный повозками лагерь на горе, которая донныне осталась в памяти людей как «Гора битвы». Именно здесь феодалы учинили жестокую бойню. Хронист писал, что все было залито кровью, она сочилась по камням, и растения были щедро напоены ею. Но пока еще все спокойно, хотя до сражения остались считанные минуты. Томас Мюнцер, 35-летний революционер и утопист XVI столетия, читает свою последнюю проповедь. Каждый жадно ловит его вдохновенные слова, лица взволнованы, ярко горят глаза слушателей. Полощутся знамена с изображением радуги. И вдруг на небе тоже засияла радуга. Эта радуга была воспринята повстанцами как символ веры и радостной надежды, как добрый знак. Значит, Мюнцер говорит правду. Да настанет на Земле справедливость!

...10 декабря 1520 г. в Виттенберге, резиденции курфюрста Саксонского на Эльбе, случилось нечто неслыханное: перед одними

из городских ворот монах-августинец, доктор богословия Мартин Лютер публично сжег папскую буллу об отлучении его от церкви. Тем самым он решительно и навсегда порвал с римским папой. А еще за три года до этого им же к дверям виттенбергской церкви были прибиты 95 тезисов против торговли индульгенциями, ставших впоследствии знаменитыми. «Молния, которую метнул Лютер, попала в цель. Весь немецкий народ пришел в движение»,— писал Ф. Энгельс¹.

Реформационная борьба против ненавистной католической церкви, беззастенчиво эксплуатировавшей раздробленную Германию, на время объединила самые различные классы и сословия: бюргеров и крестьянство, городские низы, рыцарство и даже часть князей. На первый взгляд казалось, что они добивались только создания «дешевой церкви». На самом же деле коренные причины их выступлений лежали гораздо глубже.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 365.

Время неумолимо требовало устранения феодальных преград, которые тормозили исторический прогресс. В скромной одежде церковных реформаторов явился бурный век раннебуржуазных революций, началом которого в Германии стала Великая крестьянская война 1525 года.

Она мощной волной прокатилась по стране, от Альп до Тюрингии, от левобережных областей Рейна до Рудных гор. Ученые диспуты за кафедрами, эти словесные схватки между сторонниками папской церкви и ее противниками, были немедленно восприняты народными массами, но понятия ими иначе и переложены на язык действия. Простолудины городов и деревень не довольствовались одними призывами к церковным реформам, а настойчиво требовали социальных перемен, немедленного установления на Земле «царства божия». То, что вначале расценивалось лишь как «грызня монахов»², обнаружило свою социальную сущность и переросло в открытую классовую борьбу. Реформационное движение и все немецкое общество раскололись на два лагеря. Позиция каждого была predeterminedена исторически назревшими задачами страны и положением каждого класса. Именно это размежевало людей, отделив крестьянского борца из Франконии от Лютера, твердого и последовательного Мюнцера — от колеблющегося городского патриция. Крестьянская война, выросшая отчасти из реформационного движения, но продолжавшая и усилившая его, явилась вместе с ним первым сильным на территории Германии революционным ударом по феодальному строю, «первой буржуазной революцией»³.

Весной 1525 г. пламенем крестьянского восстания был охвачен район Тюрингии. События, разыгравшиеся здесь, имели не только местное значение. Как часть целого, как «эпизод, составивший кульминационный пункт всей Крестьянской войны» и связанный с именем «самой величественной ее фигуры»⁴ — Томаса Мюнцера, они служат ключом к пониманию характера движения народных низов⁵. Центром крестьянского

восстания в Тюрингии стал г. Мюльхаузен, после того как там 15—17 марта произошел революционный переворот, был свергнут старый городской магистрат и выбран новый, так называемый «Вечный совет», в котором Мюнцер и его сподвижник Пфайффер имели большое влияние. Еще осенью 1524 г. их враг Зиттих фон Берлепш писал саксонскому герцогу Георгу: «Безумный священник из Альштедта учил мюльхаузенцев, что они не обязаны платить кому-либо чинш и ренты и что, кроме того, должно быть упразднено и изгнано все духовенство»⁶.

В те дни успех не сопутствовал Мюнцеру, и он был вынужден покинуть город, в который вернулся лишь в конце февраля 1525 года. Теперь все изменилось. С присущей ему страстностью и убедительностью Мюнцер повсюду провозглашал свой новый «божий порядок» на Земле: вся власть будет передана простому народу, должна быть установлена общность имущества, станут царить справедливость и равноправие. Эти проблески коммунистических идей были тогда абстрактны и утопичны. Тем не менее именно Мюнцер сформулировал их в известной определенностью. Значение и величие его как революционного мыслителя состоят в том, что он в «теоретически законченной форме выразил народное понимание Реформации», что его «народная Реформация на заре эпохи буржуазной революции указала настоящий демократический путь ее проведения»⁷.

Мюнцер стал признанным идейным вождем народного движения в Тюрингии. К нему шел народ, и он рассылал своих людей, чтобы установить связь со всеми крестьянскими отрядами. Мюнцер и Пфайффер поддерживали также контакты с восставшими во Франконии и Швабии. Пфайффер был нетерпелив и хотел действовать быстрее, поощряя местные выступления, которые сулили легкий, но частичный успех. Мюнцер же смотрел дальше. Он стремился к объединению разрозненных сил, к единству крестьян и городского плебейства⁸. Он знал одну лишь цель: совместную борьбу всего трудящегося народа против его угнетателей, против духовных и светских господ, против «больших Гансов». Только тог-

² «Deutsche Geschichte». Bd. 1. В. 1967, S. 503.

³ «Der deutsche Bauernkrieg (Material zur Vorbereitung)». В. 1973, S. 16 f.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 356.

⁵ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М. 1955, стр. 479.

⁶ «Forschungen zur deutschen Geschichte». Bd. 11. Göttingen. 1871, S. 378.

⁷ М. М. Смирин. Указ. соч., стр. 287.

⁸ E. Sommer. Die Sendung Thomas Müntzers. В. 1948, S. 186; K. Kleinschmidt. Thomas Müntzer. В. 1952, S. 87.

При победе

да возможны победа и установление того «царства божия» на Земле, о котором мечтал проповедник из Альштедта. Мюнцер был, однако, одинок. Мало кто обладал тогда таким же политическим кругозором и смог постичь взлет его мысли. Мешали узость взглядов и невежество тех людей, вождем которых он стал. Слишком сильными оказались и локальные интересы восставших крестьян, которым к тому же часто не хватало боевого опыта и необходимой в классовых столкновениях стойкости. Порой они бездейственно топтались на месте или увлекались посторонними делами. Известен случай, когда некий священник прогнал выступивших против него местных крестьян своими пчелами⁹.

Постепенно обстановка в Тюрингии накалялась 25 апреля недовольные господством совета жители г. Лангензальцы взбунтовались. Из Мюльхаузена им на помощь пришел Пфайффер с отрядом в 600 человек. 26 апреля Мюнцер написал свое знаменитое письмо к альштеддцам, в котором разъяснял, что начавшееся восстание носит всеобщий характер, охватывает широкие слои народа и должно быть повсеместным. «Сейчас же за дело, за дело, за дело! Пора! Злодеи пали духом... За дело, за дело, за дело! Не поддавайтесь жалости!.. Мы не должны больше спать!.. За дело, пока огонь полыхает! Пусть меч ваш не остывает! И не ослабевает рука!» — призывал он¹⁰. 30 апреля к восставшим крестьянам примкнула плебейская оппозиция Франкенхаузена. В тот же день напуганный размахом и ходом событий саксонский герцог Йоганн пишет саксонскому курфюрсту Фридриху, что теперь они оба обречены¹¹. Саксонские князья обратились к гессенскому ландграфу Филиппу за срочной помощью.

Тот, как только разбил крестьянские отряды у Фульды и Херсфельда, поспешил со своим войском в Тюрингию, хотя еще не полностью покончил с восставшими в собственных владениях. Филипп отличался энергичным характером. Ему нельзя отказать также в определенной дальновидности и проницательности. Он боялся, и не без оснований, что народное восстание в Тюрингии, слившись с движением во Франко-

нии, разрастется и примет общегерманский характер. Мюльхаузен же, по его мнению, «является основой и началом всех несогласий и волнений, и все мятежные действия вытекают из него, как из ключа»¹². А Мюнцера он считал главным зачинщиком, особенно опасным из-за его широкой пропагандистской деятельности, которая могла привести к консолидации революционно-демократических сил¹³. Для Филиппа поход в Тюрингию стал делом необходимым и неотложным. Тюрингские крестьяне штурмовали в то время замок за замком и даже вынудили нескольких представителей феодальной знати присоединиться и следовать за ними. Но настоящей, крупной, решающей победы все еще не было. Знал это и Мюнцер.

Граф Эрнст Мансфельдский, надежно укрывшись в своем сильно укрепленном родовом замке, продолжал беспокоить повстанцев частыми и успешными вылазками. Ему удалось втянуть в хитро сплетенную сеть пустых переговоров тех восставших, которые расположились лагерем у Франкенхаузена. Они бездействовали, среди них начался разлад, появилась неуверенность. 11 мая сюда прибыл Мюнцер с 300 вооруженными людьми. Ознакомившись с обстановкой в отряде, он ужаснулся, не встретив ожидаемого боевого духа. Люди были подавлены, многие хотели покинуть лагерь. Слабое, не уверенное в себе, неопытное в военном отношении руководство отряда не думало о решительном наступлении на врага. Оно не проявило никакой заботы и организации эффективной обороны. Зато все надеялись, что переговоры с графом и его братом Альбрехтом приведут к соглашению, к успеху крестьянского дела мирным путем. Мюнцер же, полный решимости действовать, немедленно порвал нити дипломатической интриги, которая почти уже опутала легковерных крестьян. Теперь он сам написал графам Мансфельдским, но не для того, чтобы добиться компромисса, а требовал, настаивал и совершенно недвусмысленно угрожал: или они явятся в крестьянский лагерь и отрекутся от своей власти, или он пойдет на них силою. А прежде чем перо было взято им в руки, он выступил перед франкенхаузенским отрядом. Его пламенная проповедь достигла цели. Крестьяне снова воодушевились, к ним вернулась уверен-

⁹ W. Zimmermann. Der Grosse deutsche Bauernkrieg. B. 1953, S. 659.

¹⁰ Th. Müntzer. Politische Schriften, Manifeste, Briefe 1524/25. Leipzig. 1973, S. 257 f.

¹¹ R. Baerwald. Die Schlacht bei Frankenhäusen 1525. Mühlhausen. 1925, S. 26.

¹² «Forschungen...». Bd. 11, S. 389.

¹³ М. М. Смирин. Указ соч., стр. 487, 505 сл., 531.

ность в правоте их дела. На время они опять сомкнулись в стойкие ряды.

Возникает вопрос о роли и месте Франкенхаузена в общем ряду событий Великой крестьянской войны. Многие проясняет поведение самого Мюнцера в те решающие дни мая 1525 года. Мы должны понять, почему Мюнцер вообще покинул укрепленный Мюльхаузен и отправился не в Эйзенах, где крайне в нем нуждались, ибо 11 мая город открыл свои ворота Филиппу, а именно во Франкенхаузен. Для этого у него были веские причины. Во-первых, в обстановке, когда соотношение сил менялось в пользу князей, Мюнцер достаточно отчетливо представлял себе значение Франкенхаузенского лагеря, который должен был стать сборным пунктом всех повстанцев и мощным очагом, своеобразным эпицентром Крестьянской войны в Тюрингии. Отсюда он предлагал начать объединение тюрингских крестьян с франконскими собратьями¹⁴. Во-вторых, Мюнцер надеялся встретить во Франкенхаузенском лагере наибольшее число своих приверженцев. В-третьих, он рассчитывал, что Филипп задержится у Лангензальцы и Мюльхаузена; тем самым будет выиграно время. Но Филипп тоже сориентировался в ситуации, четко выбрал направление главного удара, оказавшегося смертельным для Крестьянской войны в Тюрингии, а впоследствии и за ее пределами, и немедленно выступил на Франкенхаузен.

По-своему парадоксально, что сведения о битве под Франкенхаузенем столь скудны, что столетие назад один немецкий историк резюмировал итоги соответствующего исследования словами: «Теперь мы знаем, как мало мы знаем»¹⁵. Действительно, количество первоисточников невелико, содержание их крайне противоречиво. Почти нет документов, освещающих событие с позиции самих повстанцев. А такие свидетельства имели бы особую ценность. Как уже известно, под Франкенхаузенем находилось тогда значительное крестьянское войско, сосредоточенное и в самом городе и непосредственно у его стен. Каждый день туда прибывали новые повстанческие отряды. Их приток особенно усилился после призывов Мюнцера. Он, чувствуя приближение решающего момента, увещевал нере-

шительных, а строптивым даже угрожал силой привести их в лагерь. Ближайшей целью Мюнцер считал борьбу против графа Мансфельдского. Победа над ним должна была дать новый подъем крестьянскому движению в Тюрингии. Для этого им мобилизовывались все силы. Последовало обращение за помощью даже к саксонскому курфюрсту, но тот, конечно, отказал.

Между тем с юго-запада подходил Филипп Гессенский, поддерживаемый герцогом Брауншвейгским. Медлил, правда, Йоганн Саксонский, его войска не успели к Франкенхаузенскому сражению, а соединились с армией князей позднее, под Мюльхаузенем. Он, очевидно, сомневался в успехе предприятия Филиппом похода и хотел сохранить свои военные силы на случай, если ему самому придется встретиться с восставшими на поле битвы или за столом переговоров. Ландграф Гессенский действовал иначе. 13 мая он достиг окрестностей Франкенхаузена и расположился там лагерем. Вызывает удивление та легкость, с которой был совершен его марш через охваченную восстанием Тюрингию. Внезапное нападение крестьян на колонны противника с двух сторон в удачно выбранном месте, хорошо продуманная засада могли бы серьезно расстроить планы Филиппа. Но именно здешним повстанцам в отличие от крестьян Франконии и Швабии не хватало опытного военного руководства.

14 мая Филипп попытался со значительной частью своего войска без поддержки артиллерии штурмовать Франкенхаузен и отнять у крестьян их единственный укрепленный пункт. Он надеялся на легкий успех, но ошибся, недооценив противника. Его люди были отброшены и, сильно измотанные жарким боем и стойким сопротивлением защитников города, ни с чем вернулись в полевой лагерь¹⁶. Филипп стал действовать осторожнее. Не желая возобновлять боевые действия только собственными силами, он послал гонца к герцогу Георгу, чтобы тот поспешил с приходом. Георга торопил и Эрнст Мансфельдский, который уже находился при Филиппе. И тут восставшие, покинув укрепленный и, казалось бы, более безопасный город, заняли невысокую гору севернее него, где построили вагенбург — лагерь, укрепленный повозками. Мы не знаем, кем было высказано такое предложение. Но оно, несмотря на исход последовавшего сражения, было верным с военной точки

¹⁴ М. М. Смирин. Указ. соч., стр. 521, 528.

¹⁵ G. Droysen. Zur Schlacht bei Frankenhausen. «Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde», Jg. 10, 1873, S. 617.

¹⁶ R. Baerwald. Op. cit., S. 50 f.

зрения. С юга позиции крестьян прикрывал сам город, что не давало наступающим артиллерийский огонь с южных высот: ядра не долетали бы через город до крестьянского лагеря. К тому же местность мешала коннице князей развернуться. Вынесенный за Франкенхаузен, но непосредственно примыкавший к нему вагенбург исключал полное окружение, так что крестьяне в крайнем случае могли вернуться в город и укрыться за его стенами. С севера к их лагерю прилегали покрытые лесом горы Киффхойзера, где повстанцы в случае неудачи также могли прибежище.

15 мая войска ландграфа Гессенского, с которыми объединились ландскнехты герцога Георга, стали обходить город, постепенно обтекая лагерь повстанцев. Крестьяне обстреливали их из пушек, которых было только 15, но непосредственного боя еще не принимали, и противник сумел обложить вагенбург осадным кольцом. В объединенном княжеском войске насчитывалось около 4 тыс. человек пехоты и 2,5 тыс. конницы; имелась и мощная артиллерия, которая к полудню заняла высоты восточнее вагенбурга. Общее число восставших, собравшихся под Франкенхаузен, достигало 8 тыс. человек¹⁷. В основном это были пешие, за исключением тех немногих дворян-всадников, которые в силу вынудивших их обстоятельств оказались на время среди повстанцев. Успешно отразив первый натиск врага, часть крестьян, окрыленная удачей, еще теснее сплотилась вокруг Мюнцера и его сподвижников. Но были и такие, которые, убедившись в размахе предстоящего сражения и наблюдая за дислокацией противника, пришли в уныние и дрогнули. Они стали на путь переговоров, все еще надеясь с миром выйти из создавшегося положения и рассчитывая на великодушные феодалов. Князья охотно поддерживали видимость переговоров. Хотя ответ Филиппа оказался краток и категоричен (он требовал сдать ему на милость и выдать «лжепроповедника Мюнцера вместе с его соратниками»), однако крестьянам все же был дан срок подумать. То был расчет карателей, сумевших наконец-то настичь своих классовых врагов. Ландграфа Гессенского и его союзников беспокоила лишь одна мысль: как бы крестьяне преждевременно не разбежались и тем самым не была бы упущена возможность одним устрашающим

ударом покончить с ними раз и навсегда. Князья не спешили еще и потому, что их артиллерия должна была успеть занять удобные позиции.

Княжеский ответ крестьянам зачитали. Большинство с негодованием отвергло его. Однако раздавались и голоса, не лучше ли выдать Мюнцера и тем самым избежать кровопролития. Тогда Мюнцер предложил словесный поединок; в случае своего поражения он добровольно соглашался отдаться в руки карателей. Мюнцер чувствовал необходимость еще раз обратиться к терявшим веру в себя крестьянам. Ему дали слово. И он начал свою знаменитую последнюю проповедь к восставшим, во время которой на небе и засияла упомянутая радуга. То была как бы радуга будущего, которая еще более укрепила в нем веру, что близок час, когда на Земле установится справедливое царство. Эта радуга наполнила сердца крестьян экстазом. После страстной речи Мюнцера они были пренеполны решимости бороться до последнего за правоту своего дела. Не успели пораженные небесным явлением крестьяне прийти в себя, как воздух потрясли громовые раскаты, но уже не небесного происхождения. Заговорила княжеская артиллерия, только что занявшая свои позиции. Началась грозная битва, подобной которой ни до того, ни после не видел тихий Франкенхаузен.

Крестьяне готовы были бороться до конца, их сердца горели священным огнем, и у них был нестигаемый вождь. Но они были плохо вооружены и понятия не имели о военном искусстве, о сколько-нибудь правильном ведении боя. Вот почему они не смогли оказать достаточно организованного и эффективного сопротивления военным профессионалам. К тому же удался княжеский план выбить восставших артиллерийским обстрелом из вагенбурга, недоступного для конницы¹⁸. Большинство крестьян в панике бросилось прочь из лагеря, как только на него обрушились пушечные ядра. Наступавшие волной накатились на вагенбург и смяли его. Началось беспощадное, неслыханное по жестокости избивание крестьян. Одни из них сложили головы там же, другие бежали в город, но на подступах к нему и на его улицах кровавая резня была продолжена. Путь в леса Киффхойзера оказался отрезанным князьями, предусмотрительно поставившими там заслон. Только один островок повстанцев — наиболее близ-

¹⁷ H. Bensing, S. Hoyer. Der deutsche Bauernkrieg 1524—1526. В. 1970, S. 173

¹⁸ R. Baerwald. Op. cit., S. 70.

кие сторонники и последователи Мюнцера — со стойкостью обреченных мужественно продолжал сражаться, пока не был задавлен. Медленно заходило солнце. По небу разлилась кровавая заря. За одни сутки погибло более 5 тыс. повстанцев. Раненый Мюнцер укрылся в одном из городских домов, а на следующий день был схвачен. Так закончилась Франкенхаузенская эпопея, а вместе с ней пошла на убыль и вся Крестьянская война. 25 мая Мюльхаузен сдался без боя.

Мюнцера и Пфайффера (тоже попавшего в руки врагов), прежде чем казнить их 27 мая, подвергли невыносимым пыткам. Мюнцер терзал себя сотнями вопросов, на которые он мучительно искал ответ. Он хотел понять и осознать происшедшее, а главное, почему же потерпело поражение народное движение? Трагедия этого великого борца

заключалась в том, что он опередил свое время. Его радуга засияла слишком рано. Однако Крестьянскую войну 1525 г. недаром назвали Великой. Пусть крестьяне потерпели поражение, но их выступление подготовило дальнейшие социально-экономические и политические перемены.

Четыре с половиной столетия минуло с той поры. Но упомянутые события не скрылись в пыли веков. Они по-прежнему волнуют людей. «Неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны»¹⁹ долго еще будут привлекать к себе внимание.

А. Ейне, В. Е. Владыкин

---

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 7, стр. 345.